

Книга переведена и издана при финансовой
поддержке Японского фонда

JAPANFOUNDATION

Кадзуми Юмото

ДРУЗЬЯ

*Перевод с японского
Елены Байбиковой*

Москва **КомпасГид**
издательский дом

2018

УДК 821.521-053.6
ББК 84(5Япо)-44
Ю46

Автор обложки — Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Юмото, Кадзуми.

Ю46 Друзья : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Кадзуми Юмото ; пер. с яп. Е. Байбиковой. — М. : КомпасГид, 2018. — 192 с. — (Подросток N). ISBN 978-5-00083-464-0

Что скрывают соседские заборы, занавески и жалюзи? Три друга-школьника, долговязый Кияма, очкарик Кавабэ и Ямашта по кличке Пончик, мечтают взглянуть на чужую жизнь хоть одним глазком. Взять, например, старика-соседа – говорят, что он одинок и не сегодня-завтра умрет. Как он живет? Чем занимается? Заметит ли кто-нибудь, если он перестанет выходить на улицу?

Этот скучноватый дедушка, ничем толком не занятый, очень скоро замечает малолетних шпионов... Кто же знал, что желание проучить надоедливых школьников станет началом большой дружбы?!

Книга японской писательницы Кадзуми Юмото (родилась в 1959 году) абсолютно космополитична: лишь некоторые детали, вроде имен и названий блюд, выдают в сюжете место действия. Отсутствие экзотики облегчает восприятие и позволяет читателю без труда проводить параллели со своей жизнью.

В героях серии «Подросток N» читатели от 13 лет без труда узнают себя. Персонажи этих книг когда с интересом, когда с радостью, а когда и с ужасом осознают: мир — намного сложнее, чем им казалось в детстве. А в сложности этой — новые возможности и новые открытия. Роман «Друзья» уже выходил в серии «Поколение www.» и стал откровением для тысяч российских читателей — именно по их просьбам «КомпасГид» и переиздает его.

УДК 821.521-053.6
ББК 84(5Япо)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

夏の庭

湯本香樹実•作

NATSU NO NIWA/ THE FRIENDS

Copyright © 1992 by Kazumi Yumoto

First published in Japan in 1992 by Benesse Corporation and currently published by Tokuma Shoten Publishing Co., Ltd.

Russian language translation rights arranged with Kazumi Yumoto through Japan Foreign-Rights Centre

© Байбикова Е., перевод, 2012

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-464-0

Начался июнь, и сразу зарядили дожди. Вот и сегодня — дождь. Как же он надоел! Открытие бассейна отложили до завтра. Я сижу и смотрю на Кустоборотень за окном. Его огромные листья-ладони размером чуть ли не с тыкву дотянулись уже до второго этажа и заглядывают в окно нашего класса. Когда идет дождь, эта штука растет ужасно быстро. За зиму, правда, высыхает под корень, но весной снова оживает как ни в чем не бывало, а ближе к лету начинает вытягиваться и растет прямо на глазах, как взаправдашний оборотень.

Я называю его Кустоборотень — про себя, конечно, — еще со второго класса. Во втором классе я еще не выделялся ростом, и меня никто не дразнил «жердью», как сейчас, да и молочные передние зубы у меня еще не поменялись на нынешние большущие. В общем, тогда я был «славным малышом». Я искренне страдал от того, что школьный обед ужасно невкусный, и боготворил шестиклассников*, играющих на уроке физкультуры в бейсбол. Они казались мне прекрасными: сильными, огромными, страшными...

Ну вот, короче, я, такой весь из себя симпатичный второклашка, обнаружил это странное растение и просто помешался на нем. Тогда мы занимались в классной комнате, расположенной этажом ниже, как раз под этой. Каждое утро, зайдя в класс, я первым делом бежал проверять свой Кустоборотень. Я представлял себе, как ночью, пока никто не видит, он растет и растет, и в темноте

* В Японии из двенадцати лет учебы первые шесть лет относятся к начальной школе, следующие три года — к средней, а последние три — к старшей. — *Примеч. пер.*

светятся его пустые, как у хэллоуинской тыквы, глаза, при дневном свете совершенно незаметные. «А вдруг, когда он дорастет до второго этажа, случится что-то ужасное?» — думал я и, задрвав голову, смотрел на окна той самой комнаты, в которой сижу теперь. Я и сам теперь — шестиклассник, правда, совсем не такой сильный и страшный, какими я представлял себе шестиклассников еще три-четыре года назад.

Мне надоело пялиться на Кустоборотень, и я переключился на более интересные мысли. Толстый Ямашта, по прозвищу Пончик, не появляется в школе уже третий день. И на дополнительных занятиях в воскресенье его не было. Выходит, мы не виделись целых четыре дня. В субботу, когда я видел его в последний раз, он не казался мне больным. Интересно, что с ним случилось?

Парта Пончика — впереди меня и наискосок. С моего места отлично видно, что в парте лежит комикс. Если учитель его заметит, то заберет и никогда не отдаст. С Ямаштой всегда так. Он удивительно бестолковый.

— Ну, Кияма!

Приехали. Меня вызывают. Я как мог медленнее поднялся с места.

— Отвечай.

— М-м...

— Как следует отвечай, не мямли.

Кавабэ, который сидел за мной, пихнул меня пониже спины.

— Круглый, — прошептал он.

— Круглый, — повторил я.

— Ты продолжай, продолжай.

— Без углов, — снова подсказал Кавабэ.

— Без углов.

— Отлично. Круглый, без углов. Прямо вылитый я... Ну, что еще скажешь? — учитель смотрел на меня не отрываясь. А что тут можно было сказать? Мне явно не везло.

— Как ты думаешь, о ком речь?

И верно, о ком? Кавабэ молчит. Дело плохо. Кто это может быть круглый, без углов?

— Токугава Иэясу, великий полководец семнадцатого века.

Класс дружно грохнул.

— Умник! Ты вообще знаешь, какой сейчас урок?!

— Какой?

— Мы говорим о гальке! О круглой гальке и о геологических пластах. Давай, спускайся с небес на землю.

Вот свинство. Он специально меня подловил.

Под насмешливыми взглядами хихикающих одноклассников я тихонько сел. Нет, все-таки этот Ямашта совсем безголовый. Я вытянул ноги и сдвинул пустой стул передо мной немного в сторону, так, чтобы, комикс не сразу бросался в глаза. Кавабэ сзади пихнул меня в спину.

— Чего тебе?

— Знаешь, почему Ямашта в школу не ходит?

— Почему?

— У него бабушка умерла. В деревне.

— Что?

Я даже и не знал, что у Пончика есть бабушка. Понятно, что у любого человека может быть бабушка, но Ямашта о своей ничего никогда не рассказывал. И про деревню молчал.

— Мама говорит, что он на похороны поехал.

— Да?

— А ты был когда-нибудь на похоронах?

— Не был.

— И я не был. Недавно в нашем доме кто-то умер, так мама ходила на это... ночное бдение.

— А что, тебе очень на похороны хочется?

— Я же не говорю, что хочется... Ай, больно!

— Кавабэ! Кияма! — раздается грозный голос.

Кавабэ поправляет съехавшие на кончик носа очки и трет лоб там, куда угодил кусочек мела, метко запущенный учителем.

— Ну-ка, встаньте! Будете стоять так до конца урока, болтуны!

На следующий день Ямашта вернулся в школу. Я увидел его утром, когда он заходил в школьные ворота.

— Эй, По-ончик! — крикнул я и тут же пожалел. Ямашта обернулся, и вид у него, как и следовало ожидать, был неважнецкий. Он безрадостно поглядел на меня своими маленькими глазками и ничего не ответил на мой возглас, даже шага в мою сторону не сделал. Мне стало стыдно: Пончик только-только приехал с похорон, а я тут разорался...

Я догнал его, и мы молча зашагали по школьному двору. Наверное, я должен сказать ему что-то утешительное, но что?

— Э-эй! Пончик! У тебя бабушка умерла, да?

Это Кавабэ. Вот дурной!

Кавабэ высунулся из окна на втором этаже так, что, казалось, еще чуть-чуть — и он просто вывалится. Он вообще думает хоть немного?! Что он несет?

В первое мгновение Ямашта, похоже, испугался, но потом вдруг крикнул в ответ:

— Ага, умерла!

Радостно так крикнул.

Я этого вообще не понимаю. Ну ладно, Кавабэ тупой, что с него взять. Но Ямашта-то! Это ведь его бабушка умерла, между прочим. А он тут стоит и орет: «Ага, умерла». Совсем уже.

С другой стороны, нормально, что я не понимаю. Может, все так и должно быть. Я ведь на похоронах ни разу не был. Мой дедушка умер еще до того, как я родился. Откуда мне знать, что чувствует человек, у которого кто-то умер?

Между прочим, из-за того, что Кавабэ высунулся из окна слишком далеко, его драгоценные очки — дорожке которых только его собственная жизнь — свалились у него с носа, упали на землю и разбились. А без очков он даже ходить не может. Сугита и Мацушта, видя, как Кавабэ тыкается из угла в угол, пытаюсь найти выход из класса, начали его дразнить и довели беднягу до того, что он не выдержал и разревелся.

Еще до конца урока за Кавабэ приехала мама и забрала его домой. А я решил пока что не говорить с Ямаштой про похороны. Во-первых, я не знал, с чего начать, да и вообще плохо себе представлял, как об этом разговаривать. Ямашта, надо сказать, не сильно отличался от себя обычного — на уроке физкультуры не смог прокрутить на турнике солнышко, на уроке японского не знал, как читаются иероглифы из упражнения, на уроке естествознания разбил предметное стекло. Вот только временами на него находил какой-то столбняк — он вдруг замирал и сидел неподвижно, глядя в одну точку. А за обедом не попросил добавки, хотя давали его любимую жареную лапшу — якисобу.

Вечером того же дня мы с Кавабэ и Ямаштой возвращались домой с дополнительных занятий*. По дороге мы, как обычно, зашли в закусочную, купили по бутылке жидкого йогурта, а потом потягивали его через трубочку, сидя в темноте на скамейке и поджидая автобуса. Вообще-то я думал, что Кавабэ на занятия не придет, но он пришел — во временных очках, которые ему дал доктор, пока не будут готовы новые. Это были очки с круглыми толстыми линзами в серебряной оправе. Кавабэ выглядел в них страшно. Как безглазый инопланетянин.

— Слушай, ну и как это, похороны? — спросил он у Ямашты.

Я знал, что Кавабэ это спросит. Более того, я думаю, что он только для этого и на занятия притащился, чтобы спросить.

— Что значит «как»?

— Ну, тебе было интересно?

— Чего интересного может быть на похоронах? — сказал я и добавил: — Мне так кажется. Хотя я не знаю.

— Да ничего там нет интересного, — сказал Ямашта. — Все в черной одежде. Сутры читают. Скучотища. Дядечки без конца пьют сакэ, тетечки ходят с озабоченными лицами. Дети — малышня одна. Прикиньте, дразнили меня «пончиком».

— Так и мы тебя дразним «пончиком», — с жутковатой ухмылкой сказал Кавабэ и захихикал. Между прочим, когда тип в толстых круглых очках с серебряной оправой хихикает вот так, в темноте, то ненароком можно и испугаться.

* Дополнительные занятия (*яп. дзюку*) — специальные занятия по подготовке к экзаменам в среднюю и старшую школу. — *Примеч. пер.*

— Ну так вас-то я знаю. А этих первый раз в жизни видел.

— Ну да, точно, — Кавабэ перестал хихикать.

— А сами похороны... Сложно сказать, какие они. Ну это как бы... — Ямашта сглотнул слюну. — Человек, когда умирает, его сжигают. Везут в специальное место — крематорий называется. Там гроб въезжает в такую огромную печь и — дзынь! — двери закрываются, а потом через час...

На словах «а потом через час» Ямашта перешел на едва слышный шепот, и я подался вперед, чтобы услышать, что же там происходит через час.

— ...Остаются одни кости. Все сгорает, только кости остаются. Белые, лежат кучкой. Небольшой такой.

— Целый час жгут?

— Ага.

— Там, наверное, жарко. И огонь гудит.

Ямашта немного подумал.

— Из большой трубы, — сказал он, — шел белый дым, но совсем чуть-чуть. Папа говорит, что когда-то давно, когда он был маленьким, гораздо больше дыма выходило. Нет, не гудит. Потихоньку сгорает.

Кавабэ начал дергать ногой. Это был плохой знак, означавший, что время пошло и в какой-то момент, только неизвестно в какой именно, бомба замедленного действия сработает и он выкинет какой-нибудь трюк. Я слышал, как моя мама говорила: «Кавабэ-кун такой эксцентричный!» Интересно, что такое «эксцентричный»? Наверное, «странноватый» или что-то в этом роде.

— А потом все брали эти кости палочками и складывали в похоронную урну.

— Палочками?

— Да. На этом все закончилось.

Значит, на этом все закончилось. Понятно, но как-то не очень.

— А ты плакал? — спросил я.

— Не-е.

— Но это же твоя бабушка. Тебе совсем не было грустно?

— Так я даже не помню, когда последний раз ее видел. Мне тогда, может быть, один годик был. Она для меня совсем как незнакомая.

— А-а...

— Я там и не был никогда, ну, где она жила. Это очень далеко.

Ну да, я тоже со своей бабушкой, которая папина мама, уже очень давно не виделся. Совершенно не помню, какая она.

— Послушайте, — голос у Ямашты вдруг сел. — А вы вообще когда-нибудь видели мертвеца?

— Ты чего? Где мы его увидим? — сказал Кавабэ, пошевелил кончиком носа и замолчал. А мне пришло в голову, что за все то время, как я узнал, что Ямашта уехал на похороны, я ни разу — даже тогда, когда спрашивал про кости, — не подумал о том, что Ямашта видел заправдашнего мертвеца. Мне такое даже в страшном сне не снилось!

— А ты видел?

— Ага. — Ямашта смотрел мне прямо в глаза.

И я понял, что сегодня днем в те моменты, когда на него находил столбняк, он думал именно об этом.

— Все, кто там был, кидали в гроб цветы. Я тоже кидал и тогда увидел.

— Что, что увидел? — Кавабэ сверкнул глазами из-под очков. — Ну же, ну же, ну! Говори давай! — от нетерпения у него снова задергалась нога.

— Да вообще-то ничего особенного... — протянул Ямашта. — В носу и в ушах у нее были такие белые штучки, как из ваты.

— Вата в носу! Это еще зачем?! — Кавабэ дергал ногой все сильнее и сильнее. — Вата в носу и ушах... Вата в носу и ушах...

— Кавабэ, заткнись, пожалуйста.

Кавабэ замолчал. Но его нога стала дергаться с такой силой, что скамейка заходила ходуном.

— Короче, я вместе со всеми подошел к гробу и кинул в него цветок — хризантему. И тогда...

Тетенька, которая сидела на соседней скамейке и тоже ждала автобуса, как-то странно на нас посмотрела. Я схватил Кавабэ за плечо и крепко сжал.

— ...лепестки полетели, полетели, и один из них упал бабушке на лицо. Прямо на нос.

Я почему-то подумал, что, наверное, этот лепесток был желтого цвета.

— Я хотел его стряхнуть, — продолжал Ямашта, — но мне было так страшно, что я не мог даже рукой пошевелить. А потом гроб закрыли крышкой. Забили гвозди — не молотком, а камнем. Тук-тук-тук...

— И что? И это все?! — сказал и Кавабэ и добавил потише: — Что ж такое?

Он еще несколько раз повторил: «И это все? И это все?» Голос у него дрожал, как от обиды.

— Кавабэ, заткнись, — страшным голосом сказал я.

— Той ночью мне приснился сон, — произнес Ямашта и замолчал.

— Сон? Типа, кошмар?

— Ага... Знаете, у меня такой тигр дома есть, игрушечный? Большой такой, больше подушки?

— Да.

— Я когда был маленьким, часто с этим тигром боролся. Ну, играл. — Ямашта, наверное, хотел добавить, что и сейчас тоже частенько этим занимается, но передумал. — И во сне я тоже с ним боролся. А потом вдруг вижу, а это и не тигр вовсе, а моя мертвая бабушка.

— А-а-а-а-а-а-а! — заорал не своим голосом Кавабэ. А потом начал смеяться как ненормальный.

Ямашта взглянул на него и тут же стал рассказывать дальше, не обращая внимания на смех:

— Ну вот, я не сразу это заметил, потому что она была очень похожа на мягкую игрушку. То есть вообще никак на меня не реагировала. Я ее пихал, дубасил, а она молчит и не говорит ничего. Ни там «больно», ни вообще ни слова. Как вещь. Неодушевленный предмет.

— Неодушевленный...

Ямашта кивнул и тихо сказал:

— Это было очень страшно.

Я слушал Ямашту, обмирая от страха. И хотя в моих комиксах и по телевизору то и дело кто-то кого-то убивает, так страшно, как сейчас, мне еще никогда не было.

— Интересно, что происходит с человеком после смерти? — сказал я. — Он исчезает или...

— Он становится оборотнем или призраком! — поджав губы, заявил Ямашта. — Только вот призрак, он... как бы так сказать... Я раньше всегда думал, что это что-то легкое, невесомое, но на самом деле...

— Что на самом деле?

— Призрак очень тяжелый. Тяжеленный. Как мешок с песком.

Если мертвецы — неодушевленные предметы, как говорит Ямашта, то и призраки, получается, тоже предметы. И у них, как и у любого предмета, есть вес, как, скажем, у соли, или у магнитофона, или у портфеля. «Вот чего бы мне точно не хотелось, — подумал я, — это увидеть стрелку тех весов, на которые взгромоздился призрак». Если призраки ко всему еще и увесистые, то тогда спастись от них вообще практически невозможно.

— Я вот думаю, все-таки хорошо, что мне пришлось поехать на похороны. — Ямашта ковырнул носком кроссовки землю.

И тут вдруг Кавабэ взгромоздился на скамейку и встал в гордую позу, уперев руки в бока. Тетенька с соседней скамейки прижала к себе покрепче хозяйственную сумку и приготовилась дать отпор, если мы вдруг решим ее атаковать. Кавабэ дико захохотал и крикнул:

— Я — бессмертен!

Прошло несколько дней. Мы вели обычную школьную жизнь и к разговору о бабушке Ямашты больше не возвращались. Сам Ямашта окончательно пришел в себя, да и Кавабэ вроде бы тоже после той выходки на автобусной остановке как-то успокоился. Даже говорить стал меньше, чем обычно. О похоронах он, казалось, совсем забыл.

Но это только казалось. В тот день, когда он явился в школу в новых очках, произошло вот что. После уроков он вызвал меня и Ямашту на автостоянку возле своего дома — сказал, важный разговор.

— Что еще за важный разговор? — У меня появилось дурное предчувствие. Кавабэ был вне себя от возбуждения.

— Слушайте, это, как его... Если от автобусной остановки пройти немного вглубь, там есть дом учителя каллиграфии, знаете?

— Ну да. Это где дом Кисимото, что ли?

В том районе очень много старых домов, о которых даже очень вежливый человек вряд ли сумел бы сказать что-то хорошее. Такие деревянные хиленькие лачуги.

— Во втором доме от него живет одинокий дед. — После этих слов Кавабэ с надеждой взглянул сначала на меня, потом на Ямашту. Ямашта за все это время ничего не сказал — видно, дурное предчувствие появилось не только у меня одного.

— Ну и? — спросил я наконец.

— Чего ты нуикаешь? Не «ну и», а моя мама разговаривала с соседкой, а я все слышал. Соседка сказала, что дед этот того и гляди помрет.

Я не знал, что на это сказать.

— Кияма, ты ведь никогда не видел мертвеца.

Я промямлил что-то невразумительное. Кавабэ, не обращая на это никакого внимания, продолжал:

— И я не видел. Понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Сейчас объясню. — Глаза у него сверкнули. Мне это совсем не понравилось.

— Если одинокий дед в один прекрасный день умрет, что будет дальше? — победно спросил Кавабэ.

— В каком смысле «что будет»? Ничего не будет. Умрет себе и...

А правда, что будет? Друзей у него нет. Родных тоже нет. Никто не услышит его последних предсмертных слов... Вылетев из его рта, они покружат немного по комнате и исчезнут без следа. Как будто он вообще ничего не сказал. «Не хочу умирать», «тяжело на сердце», «больно», «грустно», «я был так счастлив» — все эти слова и другие, которые он мог бы сказать, так и останутся неслышанными.

— Короче, это нужно узнать!

— Что узнать?

— Что будет, когда этот дед умрет там... один-одинешенек.

— Ну и кто будет это узнавать?

— Конечно, мы! Неясно, что ли?

— Я пошел домой! — вдруг заорал Ямашта. Но Кавабэ крепко в него вцепился и не отпускал. Откуда только силы взялись.

— Если ты с нами не пойдешь, у нас ничего не выйдет. Ты ведь единственный, кто видел мертвого человека.

— Не пойду, не пойду, не пойду! Отпусти!

— Да ладно тебе. Увидишь, мы быстренько этого деда найдем. Но вот проверить, умирает он уже или нет, никто, кроме тебя, Ямашта-кун, не сможет. Ты лучше нас всех в этом разбираешься.

На Ямашту было жалко смотреть — он вот-вот готов был расплакаться. Все-таки Кавабэ немного дурной. Я от него устал уже.

— Подумай сам, — сказал я ему. — Вот, например, грифы едят падаль. Поэтому, когда они видят, что животное ослабло и скоро умрет, они начинают его преследовать — летают кругами над несчастным, а сами

думают: «Вот сейчас поедим, попируем на славу!» Ты что, хочешь быть как эти грифы, олух?!

Мои слова подействовали на Кавабэ. Он как-то сразу скис, отпустил несчастного Ямашту, уставился себе под ноги, пару раз кашлянул и вдруг сказал, тихо-тихо:

— Просто я... это... С тех пор как Ямашта про свой сон рассказал, я теперь тоже все время вижу сны про его бабушку. То есть ее саму не вижу, но она каждый раз во сне падает на меня откуда-то сверху. Она ужасно тяжелая, так что я совсем не могу пошевелиться. Или еще — я открываю глаза, а кругом огонь. И я понимаю, что сижу внутри узкого туннеля и скоро сгорю. И тогда я кричу: «Спасите! Я еще живой!». И потом просыпаюсь.

Я тихонько охнул, потому что и сам вот уже которую ночь видел очень похожие сны.

— Теперь я только и думаю, что о мертвецах, и о том, что я тоже когда-нибудь умру, и о том, что будет со мной после смерти... Только вот оказалось, что я так устроен, что даже если понимаю, что умру, все равно в это не верю.

— И я, — сказали мы с Ямаштой в один голос.

— Вот видите! — Кавабэ воспрял. Удовлетворенно поглядел на нас обоих. — А если головой понимаешь одно, но все время чувствуешь другое, потому что поверить-то в это невозможно... сразу становится неуютно. У вас так не бывает? Неприятное ощущение — будто терпишь, терпишь, но уже ясно, что вот-вот описаешься.

— Ну, наверное, — неуверенно сказал я.

— А я так не могу! Вот говорят, что человек эволюционировал благодаря неутолимой жажде знаний. Вообще-то я раньше этого не понимал. Но теперь, когда мне исполнилось двенадцать и я сам чувствую жажду к знанию, я очень хорошо это понимаю! Вчера, когда

я шел по пешеходному мосту над путями, я попробовал залезть на перила.

Мы молчали. Было слышно, как Ямашта, булькнув, сглотнул слюну.

— К мосту приближалась электричка. И, стоя на перилах, я подумал, что если сейчас упаду на рельсы, то она меня обязательно задавит и я умру. И как только я это подумал, сразу почувствовал, что какая-то сила тянет меня вниз, буквально заставляет упасть.

Мне вдруг показалось, что я слышу отчаянный свист электрички.

— Но тут, — продолжал Кавабэ, — я вспомнил о вас. Ведь если я умру и, предположим, это поможет мне понять, что такое смерть, вам-то я уже не смогу об этом рассказать, потому что буду мертвым. — Тут на него опять напал приступ безумного смеха. — А когда я с перил слез... понял... что слегка описался, прикиньте?

Я даже немного зауважал Кавабэ. Ну да, он, конечно, странный, но крутой! Гораздо круче меня, потому что я просто боюсь, и все. И если уж у него такая жажда знаний, мы должны ему помочь ее утолить.

— Ну хорошо.

— Что хорошо? — испуганно спросил Ямашта.

— А то, — сказал я, стараясь не смотреть в его умоляющие глаза, — что если вы обещаете не мешать этому дедушке...

— Что?!

— Что слышал! Двое против одного! — И Кавабэ запрыгал от радости.

За этим домом совсем никто не следил. В одном месте доски, которыми была обшита стена, отошли и хлопали на ветру; разбитое оконное стекло было прикрыто газетой и заклеено поверх клейкой лентой. Вокруг громоздились кучи хлама, валялся мусор и почему-то стояла большая бочка, в которой обычно солят овощи. С южной стороны был садик, в котором рос большой османтус, его еще называют душистой оливой. В этот садик выходила веранда, в ее раздвижные стены снизу были вставлены рифленые стекла.

С восточной стороны шла дорожка, и если посмотреть с нее в сторону дома, то за непрозрачным стеклом был виден голубоватый колеблющийся свет — внутри работал телевизор. Толком разглядеть, что творится внутри, не получалось, но, похоже, несмотря на то, что вот-вот должен был начаться июль, дед сидел, засунув ноги под котацу (это такой маленький столик, к столешнице которого с внутренней стороны приделан обогреватель, чтобы греть ноги в холодные дни). Наверное, из-за дождя, лившего уже который день, летняя жара все никак не наступала. Я посмотрел на прижатый к стеклу уголок красного покрывала, накинутого на котацу, и мне стало тоскливо.

— Живой! — удовлетворенно сказал Кавабэ, встав на цыпочки и глядя через поросшую мхом ограду, сложенную из цементных блоков.

— Слушай, Кавабэ, — я присел на корточки под оградой, — ты понимаешь, что слежка — это вообще-то тяжелая работа?